КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Шапсугов Д.Ю.

О НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СУПЕРПАРАДИГМЕ В ПРАВОВОМ ПОЗНАНИИ

Рецензия на монографию М.А. Супатаева «К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики». М., 2012 г.

Универсалистские претензии формационного, системного, синергетического, герменевтического и других отдельных исследовательских подходов к истории государственно-правового развития народов уже обнаружили свою ограниченность, и постепенно осознаются их реальные возможности в исследовательских практиках.

На авансцену уверенно выдвигается новая парадигма, называемая автором рецензируемой монографии, суперпарадигмой, – цивилизационная. Ее осмыслению уже посвящена значительная научная литература. Однако применительно к юридической науке она только начинает свое восхождение.

Рецензируемая монография известного культуролога в праве, яркого представителя социокультурного (цивилизационного) подхода к исследованию права М.А Супатаева посвящена анализу этой новой суперпарадигмы, в подзаголовке она скромно (что, кстати, совершенно традиционно для данного автора) названа очерками теории и практики.

Автор логически четко выстроил план своих размышлений по исследуемому вопросу. В предисловии к работе он обосновывает общую структуру последовательно рассматриваемых вопросов. Сначала автор уточняет, конкретизирует сложившееся понимание цивилизационного подхода, его социокультурную ориентацию, тяготеющую не к изолированному рассмотрению права, что более всего свойственно юристам и приводит к искажению социальных функций права, причин происхождения и природы функционирования, а к его взаимодействию с иными элементами социальной, экономической, политической, нравственно-духовной систем, в известной мере выступая как их культурно-цивилизационный синтез.

Нельзя не согласиться с утверждением М.А. Супатаева об особенной важности цивилизационного подхода для осмысления сложных и противоречивых процессов формирования гражданского общества и демократического государства на переломном этапе исторического развития современной России. Ответить на вопрос о том, что есть и каким должно быть право России, адекватное ее перспективному развитию, без цивилизационного подхода к его познанию при заметной уже исчерпанности других подходов просто невозможно.

Затем дается весьма интересный анализ опыта применения цивилизационного подхода к праву и государству, реализованный в ряде отечественных и зарубежных исследований и лично самим автором, который знаком с этим опытом не только из книг, но и в результате самостоятельного изучения цивилизационных практик в Африке, Индии, Китае, Японии непосредственно на месте в конкретных странах.

Цель данной работы видится автором в анализе цивилизационного аспекта прав человека, возможности типологии и сравнительного изучения права по социокультурным (цивилизационным) основаниям, в поиске новых решений задач, связанных с использованием цивилизационного подхода к праву. Ключевое слово исследования «цивилизация» определяется автором как «социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, то есть сверхлокальных, ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах права, искусстве».

Центральная идея работы – ответ на вопрос о путях модернизации российского общества, государства и права, опираясь на выделенные в научной литературе типы модернизации и характеризующие их особенности в плане соотношения традиционности и современности, состоящий в недопустимости игнорирования традиционности, рассмотрения ее как некоей застывшей субстанции. Размышляя над выводами автора, особенно касающимися опы-

та модернизации Китая и Японии, можно прийти к убеждению, что традиция в состоянии осовременива ться, включать в себя новые явления и ценности, сохраняя при этом свою особенность. С этой точки зрения традиция может рассматриваться как процесс развития ценностей, составляющих ее базовое содержание, в отличие от обычая, ритуала, имеющих четко обозначенные стандарты, подлежащие постоянному воспроизводству.

Отсюда можно сделать вывод о социальных функциях обычая, ритуала как способах воспроизводства, сохранения обозначенных ценностей, и традиции, отражающей эволюционный процесс изменений, совокупность ответов данной нормативной системы на новые вызовы времени, с которыми человек и общество вынуждены считаться и, опираясь на имеющийся потенциал, развиваться, сохраняя себя как целостность, пока это возможно.

Устанавливая четкие ограничения своего исследования, автор подчеркивает, что категории свободы и справедливости «кладутся в основу авторского подхода к затрагиваемым в работе вопросам цивилизационной специфики российского права».

Особую ценность работе придает бесспорно удавшаяся в целом попытка отойти от чисто абстрактных рассуждений о содержании и формах реализации цивилизационного подхода, постоянное стремление увязать их с конкретно-историческим материалом. Об этом свидетельствуют аналитические суждения автора о соотношении традиционности и современности в процессах модернизации, происходивших в странах Африки, Индии, Китая (где автор непосредственно проводил свои исследования), а также применительно к современной России, и, кроме того, выделение четких критериев разграничения формационной и цивилизационной познавательных парадигм.

Поставленная в данной монографии задача одновременного рассмотрения проблем теории цивилизационного подхода и практики его применения, разумеется, не может быть решена в рамках одной работы. Не может, видимо, быть универсальным и способ рассмотрения данной проблемы, опирающийся на приведение примеров, характеризующих модернизационные процессы в отдельно взятых странах мира, хотя на современном этапе исследования проблем цивилизационного подхода это оказывается едва ли не единственно возможным.

Думается, что для более детального исследования этих проблем крайне необходимы конкретные кросс-культурные (межцивилизационные) исследования, о которых говорится в рецензируемой монографии. Особенно это касается реализации цивилизационного подхода к процессам государственно-правового развития народов Кавказа в XIX–XX вв., взаимодействия кавказской и российской цивилизаций в XIX–XX веках. Они как раз и могут дать ответ на вопрос о том, произошел ли цивилизационный синтез на Северном Кавказе в XIX–XX веках, в чем может выражаться его содержание.

Совместимы ли ценности Российской империи и ценности народов Кавказа, их правовые системы, взаимодействие которых происходило к тому же в условиях ожесточенной войны? Разве не был прав Ю.А. Жданов, говоривший о том, что Россия обязана народам Кавказа отстаиванием идеи свободы? Можно ли, не имея ценностей свободы, демократии, которые имели первостепенное значение для многих кавказских народов, содействовать развитию этих народов? Понятие цивилизации, основу которого составляют социокультурные ценности свободы, справедливости, изначально не применимо к политике Российской империи, конкретным мерам по ее осуществлению на Кавказе в XIX веке. Реальными носителями этих ценностей были передовые люди России, определенная часть российского общества. Если бы представленные ими планы освоения Кавказа были реализованы, то цивилизационный синтез культур вероятнее всего был бы возможен, о чем, в частности, свидетельствуют предлагаемые М.А. Супатаевым очередные меры по развитию Северного Кавказа, которые идут вполне в русле проектов Н. Мордвинова, Н. Раевского и других деятелей России.

Предельно общая постановка данной проблемы может оказаться весьма сомнительной, недопустимо ограниченной, если четко не выделить системы ценностей, определявших особенности каждой из цивилизаций, субъектов их формировавших. Без обоснования таких положений трудно говорить просто о синтезе, совместимости, несовместимости, «местах стыка» цивилизаций.

Автор поддерживает обосновываемую в ряде научных работ идею правды (справедливости) как основную ценность, о которой говорится в некоторых историко-политических памятниках России. Но было ли Российское государство, в особенности в период Кавказской войны, ее ревностным поклонником, хотя на подсознательном уровне такая идея и присутствует у значительного числа россиян?

Даже огромные жертвы, принесенные участниками Кавказской войны, не создали общих цивилизационных ценностей, что доказывается отсутствием современной единой цивилизационной идеи в российском обществе и государстве. Разумеется, произошедшая трагедия – часть нашей истории, но такая часть, которая доказывает невозможность формирования единых цивилизационных ценностей тем способом, который избрала Российская империя и даже Советская власть на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Это развитие не имеет никакого отношения ни к русской идее правды (справедливости), ни к идеям человеческого достоинства и чести, свободы, независимости, гостеприимства, долга перед обществом по его сохранению и защите, которые входили в систему подорванных цивилизационных ценностей кавказских народов в ходе Кавказской войны. Это была война не только в чисто военном смысле, но и война за сохранение и развитие культуры северокавказских народов, и война за ее уничтожение, которое весьма последовательно осуществлялось и на мирном, юридическом поприще.

Странно выглядят попытки ряда современных ученых обосновать некий правовой плюрализм сущностно не совместимых правовых и юридических систем, при котором отдельные части одних правовых систем, а не системы в целом (обычного права и шариата), временно разрешалось применять на отдельных территориях под обязательным руководством российских военных или местных большевистских вождей с целевой установкой необходимости скорейшего, по возможности их полного искоренения.

Разумеется, в этих условиях никак не могла идти речь о развитии традиционности, которая в «современности» имела только возможность спешно отмирать.

Назрела необходимость применения вместе с цивилизационным диалектического метода познания, указывая на который, М.А. Супатаев справедливо обратил внимание на недопустимость сведения его к борьбе противоположностей без учета их единства. Как нам представляется, также опасно сводить этот метод к единству, понимаемому как отсутствие различий, борьбы, не говоря уже о других особенностях этого метода [1].

Нам представляется весьма проблематичным и непродуктивным, противоречащим цивилизационному подходу способ определения «национальной идеи», «государственного интереса», «национального интереса», когда они сначала абстрактно определяются, как правило, в отрыве от реальных процессов, субъективистски, а затем навязываются обществу, вызывая отторжение.

Этот исследовательский подход, широко применявшийся в трудах ученых советского периода, не дал ожидаемых от него результатов, став составной частью рухнувших идеологий. «Казалось бы, – пишет М.А. Супатаев, – залогом обеспечения национальных интересов является концепция единого российского народа, слагаемого из всех его равноправных этноконфессиональных общностей … между тем, как оказалось, на территории, которую массы людей склонны считать … бесспорно российской … живут сплоченные массы людей, которые не только склонны думать иначе, но способны на самоорганизацию на основе собственных традиционных правовых норм, жертвы и серьезные усилия для достижения своих целей» [2, с. 99–101].

«… В России, – отмечает далее М.А. Супатаев, – где гражданское общество находится в стадии становления, а этническое сознание пока еще остается сильнее, чем принадлежность к общему государству … и распространение на нее понятий «политической» нации и национальных интересов как исключительно государственных (публичных) интересов, заданных формированием автономной человеческой личности как массового типа (базового субъекта) общества, является задачей будущего» [2, с. 99–101].

Результаты исследований уже большого числа ученых: историков и политологов (А.Ф. Чирг, Т.Х. Кумыков, С. Кудаева, С.Х. Хотко, К.Ф. Дзамихов и др.), а также документы, помещенные в десяти изданных томах «Антологии памятников права народов Кавказа», убедительно подтверждают основную идею, развиваемую М.А. Супатаевым, о необходимости цивилизационного подхода к изучению процессов модернизации систем управления, социокультурных (цивилизационных), духовных и нравственных ценностей и не дают никаких оснований даже для «мягкой» поддержки господствующей до сих пор идеи о цивилизаторской миссии Российской империи и Советской власти (с учетом имевших место особенностей их отношения к северокавказским народам), которая якобы имела место в XIX – первой половине XX веков.

Крепостная стена, скрывающая варварскую историческую практику Кавказской войны, наконец должна быть разрушена новой цивилизованной по-

литикой нового государства и новыми поколениями людей.

Нельзя не принять во внимание, что процесс изменений в традиционной культуре народов Северного Кавказа шел в условиях 150-летней войны (срок, указанный Александром II), деформировавшей соционормативную культуру этих народов.

Как справедливо подчеркивает М.А. Супатаев, «путь игнорирования таких факторов, как социокультурные ценностно-нормативные начала человеческого общежития в данном регионе (ярко выраженное негативное отношение ко всякой иерархии или «вертикали», установка на автаркизмы (самообеспечивающуюся экономику, демократизм традиционных институтов самоуправления, недопустимость демонстративного неуважения власти к собственному народу, его традициям и обычаям, оскорблений и унижений, а тем более пролитой крови и др., отмеченные в литературе) ведет к риску пережить настоящую катастрофу. Необходим развернутый анализ всего происходящего [2, с. 101].

В краткой рецензии нельзя дать полный анализ столь масштабного научного труда со скромным названием. Он, бесспорно, будет привлекать внимание отечественных юристов. В этой связи необходимо хотя бы кратко выделить еще одну проблему – особенностей понимания права в европейской и восточной политико-правовых традициях, которые, как подчеркивает автор, в своих крайних позициях носят взаимоисключающий характер (отрицание рядом европейских ученых права в Китае, Японии в европейском смысле этого слова).

Цивилизационный подход к праву позволяет решить проблему универсализации понимания и определения права, которая оказалась невозможной в рамках европейского правопонимания, явно не «потянувшего» на общее определение права. Доказательством тому является постоянно возобновляющаяся дискуссия на эту тему в связи с тем, что основные парадигмы, на которые опирается это правопонимание, противоречивы и не характерны для восточного правопонимания.

Отсюда возникает новый уровень проблем, связанных со сложностями в решении вопроса об относимости обязанностей, запретов, ограничений к праву, понимаемому как система прав человека, о соотношении права и закона, надуманные конструкции правового и неправового закона и другие юридические конструкции, возникновение которых вызывается требованиями логики доказывания первичных определений права, базирующихся на отмеченном выше европейском подходе к праву.

Однако, как показывает анализ, это не исключает рассмотрения свободы и справедливости как основополагающих начал права, которым, правда, придается разное содержание в названных выше традициях права, из которого вытекают разные системы духовно-нравственных, социокультурных ценностей. При этом чаще всего общая система этих ценностей включает в той или иной мере ценности той и другой (западной и восточной) социокультур, не совпадающих только с точки зрения того, какое место они занимают в западной или восточной иерархии ценностей.

Это обстоятельство позволяет преодолеть пессимизм многих ученых относительно возможностей общего универсального определения понятия права. Это определение оказывается возможным на основе признаваемых в правосознании всех народов общих принципов права, гармоничное взаимопроникновение которых в связи с обладанием гомеостазными свойствами каждого из них позволяет преодолеть односторонности существующего западного и восточного правопонимания, рассмотреть его с позиции не противопоставления прав и обязанностей, права и закона, а с учетом принципа «нет прав без обязанностей», «нет закона без права», и, наоборот, т.е. во взаимопроникновении.

Это позволит преодолеть методологическую установку на включение в общее определение права или охват в его рамках всех юридически значимых (в смысле господствующих современных западноевропейских воззрений) явлений, четко определить на этой основе сущность права и обособить ее проявления от массы неправовых явлений, процессов, которые вынужденно признаются правовыми как логическое следствие ложных посылок.

Право в этом смысле обретает свой подлинный смысл, приобретая стабильное социальное качество быть выражением единства прав и обязанностей, права и закона, что позволяет снять ореол права с массы неправовых явлений, реально существующих, но в рамках нормативной юридической системы, и не носящих правового характера.

Таким образом, при цивилизационном подходе к пониманию права оказывается возможным универсальное его понимание, базирующееся не на разъединенных, односторонних трактовках социокультурных ценностей (свободы и справедливости), а на понимании их единства, становящегося сущностной основой определения права, критерием

классификации по особенностям его содержания и проявления.

В отличие от формационного подхода к пониманию права, согласно которому один тип права сменяется другим без надлежащей преемственности в самом правовом развитии, цивилизационный подход предполагает единство развития сущности права как выражения различных этапов формирования и осуществления свободы, справедливости, равенства и ответственности социальных субъектов в их взаимопроникновении и гармоничном сочетании как высших социокультурных ценностей, как воспроизводства и преемственного развития правовой целостности.

Теоретическую и социальную значимость такого подхода на современном этапе осмысления процессов правового развития трудно переоценить.

Таким образом, становится очевидным, что применение цивилизационного подхода к историко-правовым процессам, проходившим на Северном Кавказе в XIX–первой половине XX веков, так талантливо представленном М.А. Супатаевым в данном монографическом исследовании, становится судьбоносным для данного региона.

Разумеется, мы понимаем, что формат рецензии не позволяет подробно рассмотреть поставленные и возникающие вслед за ними вопросы, но, полагаем, убедительно свидетельствует о том, что как раз цивилизационный подход к анализу реального и возможного взаимодействия цивилизаций на Кавказе призван выявить особенности Кавказской цивилизации как с точки зрения формирования, так и сущности созданных и создаваемых ценностей во взаимодействии с другими цивилизациями. И, разумеется, эта сложнейшая проблема ждет таких профессиональных исследователей, как автор рецензируемой книги М.А. Супатаев.

Литература

1. *Шапсугов Д.Ю*. Проблемы диалектики в правовом познании // Северо-Кавказский юридический вестник. 2008, № 1; Шапсугов Д.Ю. Исходный пункт диалектического правового познания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2007. № 4.

2. *Супатаев М.А.* К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики. М., 2012.